

СТЕПАН ГАВРИЛОВ
РОЖДЁННЫЙ
ПРОВОРОНЫМ

18+ Содержит
нецензурную
брань

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

СТЕПАН ГАВРИЛОВ

РОЖДЁННЫЙ ПРОВОРНЫМ

Москва • 2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6
КТК 610
Г 12

Гаврилов С.

Г 12 Рождённый проворным : [повесть]. — М. : ИД «Городец», 2021. — 224 с. — (Книжная полка Вадима Левенталя).

Веселая затея молодых уральских ребят — опенэйр, рейв, наркотики, вот это вот все — оборачивается неожиданными приключениями. Поначалу веселыми, но чем далее, тем более странными — настолько, что в какой-то момент читатель проваливается в настоящую русскую хтонь, которая чем дальше на восток, тем, вместе с реками и горами, все масштабнее и величественнее. Так писал бы укушенный Гоголем Берроуз.

ISBN 978-5-907358-45-4

© С. Гаврилов, 2021
© ИД «Городец», 2021
© П. Лосев, оформление, 2021

Посвящаю Михею

Обычно я ей говорил: после того, как ты повесишь трубку, поставь песню Born Slippy лондонских электронщиков Underworld, слушай внимательно. На седьмой минуте, после слов про грязного обдолбанного мальчика-ангела и после фразы «сидя на корточках и писая в отверстие трубы на станции Тоттенхем Корт Роуд», там, где вокал Карла Хайда утихнет и начнётся самое дикое техно на свете, я позвоню в твою дверь. Я говорил так и прятал мобилу в карман.

Потом закуривал и садился на велик, педали крутил почти не торопясь, приостанавливался ровно на середине пути, чтобы закурить вторую. И ровно в тот момент, когда в её колонках звучало в последний раз: «She smiled at you bo-o-o-u», я звонил в домофон. Пока играл длинный проигрыш, почти полностью состоявший из электронной секвенции, я поднимал велосипед на площадку между первым и вторым этажом, оставлял его под почтовыми ящиками и мигом преодолевал ещё несколько ступенек вверх. Она прыгала на меня, едва я успевал расшнуровы-

вать кеды. Снять их она мне не давала, никак не разжимала свои бледные гладкие сильные ноги, обхватывавшие меня почти смертельно чуть выше ремня.

Когда мне всё-таки удавалось снять кеды — сначала левый об правый, потом правый об разутую левую ногу, песня Born Slippy — «Рождённый проворным» — уже утихала. Трахаться под саундтрек из фильма Trainspotting нам казалось невероятной пошлостью: до сих пор уверен, что так оно и есть. Ещё минут через десять в ней будто бы что-то взрывалось, будто бы все её органы на долю секунды останавливались, а потом лопались от внутреннего напряжения, как в тех эффектных слоумоушн-съемках. Она задерживала этот всплеск невероятной силы в себе: мужественно, не издавая ни звука, будто бы терпя невыносимую боль, которую нельзя разделить ни с кем. Чёрные кудри её вздрагивали и падали на глаза. Лицо моментально покрывалось неровными красными пятнами. Пятна ложились на шею и грудь вплоть до сосков, будто бы её кожа была бледным, полупрозрачным оргстеклом, на которое изнутри попадали сгустки крови от разорвавшихся в мгновение органов.

Потом она открывала глаза и роняла голову мне на грудь. Рождённая проворной, она спускалась ниже, чтобы потом оставить на моём животе длинный и влажный след.

Когда она шла в душ, я принимался рассматривать газетные и журнальные вырезки, накиданные на полу всегда как попало.

Так обычно всё и было. Спроси меня — ответил бы, что прошло не меньше года, хотя знакомы мы были всего пару месяцев: начиная с горячего мая. Всё было отрепетировано до мельчайших деталей: всегда я звонил ровно в тот момент, когда в колонках звучало «She smiled at you bo-o-o-u» в последний раз, всегда след на моём животе оставался примерно одной консистенции и формы, никуда не девался беспорядок на полу — это её брат-аутист, которого никто из нашей компании никогда не видел, каждый вечер делал новые вырезки и коллажи.

Так всегда всё повторялось до мелочей, по кругу. Но только не сегодня. Сегодня песня доиграет до конца, но меня ещё не будет.

НА ЭТОМ БЕРЕГУ

21 июня

07:19

Бетонные стены завода по ту сторону леса совсем побелели, и мелкая паутина сырых трещин на них в этом свежем свете исчезла. Всё казалось немного расфокусированным, как бы скользящим мимо своей плоти и тяжести. Повсюду завибрировало — кузнечики и, может быть, цикады. Ещё не стояли в воздухе дымка и густота, которые лягут плотным грузом до середины следующей ночи совсем скоро, поэтому дышалось хорошо, легко. И курилось тоже здорово. Табак в папиросе казался Гере Хартбрейкеру, красавцу и здоровяку, особенно душистым.

Он остановил свой ржаво-баклажановый автомобиль марки «жигули двадцать один ноль пять» возле голой опушки с этой стороны леса, неподалёку от завода. Опушка полулежала на склоне холма. Гера, выйдя из тачки, тут же пошёл осматривать решётку двигате-

ля. Расчищая пальцами налипший к решётке горячий пластилин, состоящий из пыльцы трав, грязи, всякой другой био- и не очень био- массы серо-коричневого цвета, он искал кое-что другое. Он искал один цвет — васильковый.

Это всё потому, что васильковые бабочки, в великом множестве вившиеся возле тонкого ручья, который Гера недавно пересекал вброд, замороженные собственным блаженством, никак не хотели понять, что на свете существуют ещё и такие вещи, как, например, старые ржаво-баклажановые жигули, что эти жигули, чтоб их, могут протаранить тебя, когда ты пребываешь на пике блаженства в своём пасторальном экстазе. И теперь Гера вычищал решётку двигателя, размазывая пахнущую мазутом, глиной и теплом субстанцию. Но ни одного василькового крылышка не оказалось.

— Вух! — прогудел Гера, выплюнул хабарик и весело принялся распутывать тугие жгуты, придерживающие здоровый, восьмидесяти-, кажется, килограммовый бензиновый генератор, бережно погружённый в нутро багажника.

Багажник машины от размеров этой штуковины не закрывался и затруднял обзор назад, но Геру это не смущало — в дороге он отлично ориентировался по боковым зеркалам, если они были на месте. Да и зачем вообще смотреть назад?

Тут Гера немного замер, припоминая, что при переезде через ручей он, пытаясь объехать порхающих

бабочек, резко повернул руль, и машину неслабо бахнуло днищем об валун. Но вспомнив, что ни одно животное не пострадало, снова принялся за генератор.

Гере удалось поднять штуковину со второго раза. Мышцы его при этом напряглись до предела, жилы вытянулись так, что чуть не прорезали кожу. Жигули, освободившись от груза, хрустнули разогнувшимися рессорами, будто артрозными коленями, и словно бы выдохнули. Без особого героизма пронеся генератор несколько шагов, Гера поставил его в центр поляны и смахнул ладонью слабую росу со старого глянца бензобака. Тут на зелёном корпусе генератора, там, где бак прячется за костями каркаса, он увидел нечто васильковое, совсем-совсем матовое.

— Хм... — простонал Гера задумчиво.

Он аккуратно протянул здоровенную ладонь и заботливо снял с зелёного глянца одно-единственное васильковое крылышко: со слабой, белого цвета зигзагообразной обводкой почти по самому краю.

Лицо Геры исказилось. Другой рукой он нащупал в кармане пачку «Беломора» и, чуть прижав картон, так, чтобы пачка смялась и приоткрылась, бросил крылышко в пахнущую влажным табаком темноту.

Гера ещё раз обследовал машину — теперь уже не только решётку. На фарах и дверях подтёки от разбившегося на холодные жемчужные брызги ручейка уже высохали. Но крылышек не было. Порядок. И, тяжело выдохнув, Гера угрюмо принялся выгружать оставшийся

багаж, заполнявший весь салон жигулей двадцать один ноль пять. Там были:

две колонки по сто ватт, они будут отвечать сегодня за середину; масса проводов (Герин любимый — грязно-янтарный, с тонкими серебристыми прожилками внутри); микшерный пульт на 16 каналов (первый не работает, его залили ликёром «Бейлиз»); лимитер аналоговый; пластиковые стаканчики на 0,25 мл — 17 штук; катушечный удлинитель питания на 220 вольт; небольшой, грубо сколоченный деревянный ящик от противогазов, в котором, закутанный в тряпье, лежал винил (перечислять наименования нет времени, сказать можно лишь то, что пластинок было не меньше трёх десятков, плюс ещё штук десять миньонов); далее шла пятилитрушка с казахстанским коньяком, великолепным в своей мерзости пойлом, которое называли не иначе как «стиратель» за его свойство напрочь вычищать содержимое кратковременной памяти; потом — барабан бонго (один поменьше — мачо — мужской, другой побольше — эмбра — женский).

Кстати, о женщинах — под резиновым ковриком заваялся мятый женский чулок.

Гера улыбнулся, вспоминая, как чулок попал к нему в автомобиль, даже будто разволновался и вытащил пачку папирос. Но вместо беломорины на ладонь ему упало васильковое крылышко. Гера, тут же погрузившись, отправил крыло обратно во мрак пачки.

Вскоре к жужжанию многочисленных насекомых, совсем разошедшихся к тому моменту, прибавился шум — тархтели движки легковушек. Сначала слабо, то пропадая, то появляясь за холмами, потом ближе и ближе.

Из подъехавших авто повыскакивала мятая от такого раннего подъёма бригада: Сеня Сантьяго — маленький, смуглый, кучерявый, главный организатор всего грядущего замеса; Антоша Солнце — хайратый диск-жокей и барыга хорошими вещами; Дэн — сын майора ФСКН, маленький, похожий на Элайджу Вуда барабанщик; Малыш — бугай, проигрывающий в размерах только Хартбрейкеру; Дятел — наш личный панк; а также прочая братва, среди которой можно выделить разве что художника по имени Разведчик, который всегда круто танцевал, зажигая народ, да ещё щуплого прыщавого упыря по имени Сгуха — его брали на ту-сычи только потому, что он барыжил вещами плохими, но, как думалось в то время, необходимыми для того, чтобы вечеринка прошла успешно.

У всех на лицах поигрывало не то детское, не то азартное что-то. И по этому играющему чему-то читалась всеобщая готовность встретить сегодня Солнце-стояние должным образом, то есть на ура.

Распив бутылку паленого вискаря, который при-тащил Малыш, и тут же схлопотав не столько свежее опьянение, сколько мгновенное похмелье, банда довы-таскивала из машин прочий аппарат и акустику, а затем

дружно принялась коммутировать и заводить всю эту машинерию. Каждая вещь была на своём месте.

Вроде бы.

10:06

Я увидел его сутулую фигуру ещё издали. Если бы движение в нашем городе было организовано по-другому, если бы было больше пространства для манёвра, ну и если я бы был более артистичным человеком, если бы мог искусно и без стеснения изображать сложный комплекс чувств и эмоций, например: «Ух ты, да я ж забыл выключить плойку!», то я бы смог резко развернуться и уехать.

Но тогда не было бы этой всей истории. А она должна была случиться.

08:50

— Не верьте тому, кто говорит, что всё во спасение! Это провокация и фуфло! — срываясь на хриплый фальцет, тараторил Сантьяго, опустившись на колени перед генератором.

Народ виновато рассматривал траву, будто то, что было им нужно, потерялось именно там.

— Где оно, я спрашиваю? — кричал Сеня Сантьяго. — Суета суёт, я больше не могу!

— Су-ет, — тихо поправил его Солнце.

— Что?

— «Суета сует», по идее. Это из Екклесиаста, если я правильно тебя понял.

— Антошенька, поверь, в данный момент она действительно су-ёт.

Остальная братва тихо курила. Закурить потянулся вместе со всеми и Гера. Привычно вытряхнув папиросу на ладонь, он отвлёкся от созерцания небесного эфира и посмотрел туда, где папироса задела пальцы, а рядом с ней ещё что-то коснулось ладони.

— Г! — гыкнул он.

Народ посмотрел на Хартбрейкера. Тот сжимал пальцами какой-то лоскуток и старательно показывал его друзьям.

— Г! — повторил Гера и махнул ладонью куда-то вдаль.

Сантьяго ненадолго замер, присматриваясь, а потом в отчаянии мотнул кудрями.

— Гера, дорогой! — крикнул он. — Ещё ты тут.

Сантьяго бросил окурок и в два шага преодолел поляну.

— Бабочка что ли? — щурясь, простонал Сеня.

Народ стал подходить к Гере, разглядывая матовое васильковое крылышко с тонким зигзагообразным кантиком почти по самому краю.

— Крыло, походу, — предположил кто-то.

Гера нахмурился, а потом громко прогудел, показывая на машину:

— Жак!

Сантьяго понимающе кивнул:

— Да уж, точнее и не скажешь, и даже Писание цитировать не надо.

Он развернулся к народу и чуть ли не воздел руки к небу:

— Так, братва, положение наше таково, что сейчас мы хором должны включить голову и вспомнить: у кого есть в гараже какие-нибудь детали, какие-нибудь старые запчасти и прочие артефакты славных эпох.

Народ задумчиво зачесал подбородки.

— Жа-ах! — ещё громче крикнул Гера.

— Гера, я люблю тебя, люблю гетеросексуально, как брат любит брата, как друг — друга, как солдат — солдата, как спартанец — спартанца... Хотя нет, это плохая аналогия. Короче, люблю я тебя и как могу понимаю, но тебе надо поработать над своим словарным запасом. Согласен, весь этот фарш трудно выразить словами: волнения в братской славянской республике; грядущий конец света, согласно календарю майя; анархистов вон без суда и следствия сажают; жизнь не сахар, мир сходит с ума, и мы не отстаём, но это, — Сантьяго ударил по генератору, тот отозвался мелодическим утробным «бам», — просто волшебная подлянка. Однако пополный вокабулярий, я тебя прошу. Хотя бы потому что после смерти придётся за свои грехи отвечать, а тут уж междометиями не обойдёшься. Я вот сегодня выучил слово «бензонасос». На всю жизнь его запомню, а после

Еще в серии «Книжная полка Вадима Левенталя»

ВЛАДИСЛАВ ГОРОДЕЦКИЙ «Инверсия Господа моего»

Действие рассказов Владислава Городецкого разворачивается в ближайшем будущем, но так, что читатель, немного приглядевшись, узнает в этом черном зеркале все, что его окружает в настоящем времени, — а потом, приглядевшись еще чуть-чуть, возможно, узнает себя. И содрогнется от ужаса.

Интернет-магазин gorodets.ru

Еще в серии «Книжная полка Вадима Левенталя»

КИРИЛЛ РЯБОВ
«Никто не вернется»

Новый роман Кирилла Рябова посвящен тяжелой судьбе русской женщины: среди бытовой неустроенности, всеобщей энтропии и общего абсурда русской жизни главная героиня этой книги ищет личное счастье — ищет и находит. Но это не точно.

Интернет-магазин gorodets.ru

Литературно-художественное издание

Степан Гаврилов

Рождённый проворным

18+

Художественный редактор *Павел Лосев*

Редактор *Аглая Топорова*

Корректор *Антонина Семенова*

Компьютерная верстка *Наталии Ремизовой*

Подписано в печать 06.04.2021. Формат 84 × 108/32

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл. печ. л. 11,76. Тираж 1000 экз. Заказ

ООО «ИД „Городец“»

105082, г. Москва, Переведеновский пер., д. 17, кор. 1

тел.: (985) 8000 366

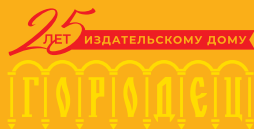
www.gorodets.ru

e-mail: info@gorodets.ru, levental.bookshelf@gmail.com

Интернет-магазин: gorodets.ru

«Рождённый проворным» Степана Гаврилова — повесть с явным контркультурным бэкграундом, чтение, которое возрождает в памяти знаменитую «оранжевую серию». Удивительное (и крайне редкое для русской литературы) качество прозы Гаврилова — безумный драйв и энергия текста. Именно они превращают историю о неудачной организации рейва в своеобразную одиссею в стиле «Страха и ненависти в Лас-Вегасе». Лихое путешествие по русской провинции в изображении Гаврилова приобретает кислотные краски, неожиданные сюжетные повороты и рождает ощущение, что в этом тексте современная литература становится по-настоящему новой, стремительной и дерзкой.

*Ольга Брейнингер,
писатель,
литературный
антрополог*

www.gorodets.ru

